
Шрадер Т.А. Европейская фотоколлекция В.В. Радлова в фондах МАЭ РАН // Радловские чтения 2002: Материалы годичной научной сессии МАЭ РАН. СПб., 2002.

Шрадер Т. А. Северный музей и музей «Скансен» в Стокгольме глазами российских ученых (начало XX в.) // Современная Скансенология: теория и практика. Архангельск, 2004.

Шрадер Т.А. Северный поход 1870 года и его значение для Севера России // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2005.

О.В. Яншина

К ЗАКОНУ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ РОССИИ

Последние десятилетия отмечены чрезвычайно динамичным развитием археологии в нашей стране. Это проявляется в самых различных сферах деятельности археологов, но, пожалуй, ярче всего — в охранной археологии. Формирование специальных институтов и механизмов охраны памятников археологии, увеличение числа работающих в этой сфере специалистов, рост финансирования, соответствующие изменения в проблематике археологических исследований и многое другое тому свидетельства. Все большую актуальность приобретает и вопрос о принятии закона об археологическом наследии России. На страницах печати археологи обсуждают самые различные аспекты этого важного документа, стараются учесть все нюансы, все стороны этого сложного дела охраны археологических памятников. Мне также хотелось бы принять участие в таком обсуждении и рассмотреть вопрос о том, как складывается судьба археологических коллекций после извлечения их из земли.

Хорошей судьбой для археологической коллекции можно считать такие обстоятельства, при которых она приобретает безопасное и комфортное место хранения, заботливого и понимающего хранителя, отлаженную систему учета и документации. Важно также, чтобы был обеспечен свободный доступ к коллекции всех заинтересованных исследователей, ибо только в этом случае можно рассчитывать на то, что ее научный, музейный и образовательный потенциал рано или поздно будет раскрыт полностью. Однако, как показывает практика, такая «счастливая» жизнь археологических коллекций становится в нашей стране скорее результатом случая, чем закономерным следствием действующих законов и положений.

Согласно инструкции ОПИ ИА РАН, каждый археолог, получивший Открытый лист на проведение полевых исследований, обя-

зан по их завершении сдать собранные коллекции на хранение в государственное учреждение — музей. Справку о том, что коллекция была сдана исследователем и принята на хранение музеем, требуется прилагать к полевому отчету. Но, к сожалению, музейная деятельность в нашей стране организована таким образом, что данное требование ОПИ на деле превращается в простую формальность. Как оказалось, ни один музей в нашей стране не обязан принимать на хранение археологические коллекции, как, по-видимому, и иные виды потенциальных музейных экспонатов.

Действительно, вопросами принятия коллекций на хранение ведает фондово-закупочная комиссия каждого конкретного музея, а основанием для принятия ею решений служит заключение специалистов (обычно сотрудников научных подразделений этого музея) о готовности принять ту или иную коллекцию на хранение. Положительное решение этого вопроса отнюдь не гарантировано и зависит от целого ряда обстоятельств: ценности самой коллекции, внутренней политики музея или конкретного научного подразделения, финансовых возможностей и условий по обеспечению хранения и т.п. В результате любой археологической коллекции может быть отказано в хранении.

Если рассматривать эту ситуацию с точки зрения музея, особенно богатого и крупного, вроде все правильно, а с точки зрения охраны культурного наследия... Мне сложно рассуждать о каких-то иных видах музейных ценностей, но, по-моему, очевидно, что в отношении археологических коллекций такой подход совершенно неприемлем, т.к. чреват утратой, как может оказаться впоследствии, важнейших научных источников. А кроме того, государство (или частные лица и организации) тратит немалые средства на раскопки и получение таких коллекций. Я отдаю себе отчет в том, что в данном случае затрагивается вопрос, очень спорный по своей сути. Немало найдется людей, которые будут отстаивать интересы музея, а не археологической коллекции. У каждой из сторон найдутся свои веские резоны. Но, по-видимому, этот вопрос все-таки должен быть определенным образом урегулирован и нуждается в обсуждении.

В качестве иллюстрации хотелось бы рассмотреть ситуацию, сложившуюся в археологическом фонде Кунсткамеры. В настоящий момент организованные места хранения коллекций в нем практически исчерпаны: шкафы, стеллажи, ящики, полки заполнены почти полностью. На этом основании отдел археологии пришел к решению не принимать новые поступления, даже если речь идет о полевых сборах сотрудников, к тому же произведенных на средства Кунсткамеры. Такую позицию можно было бы назвать ответственной, если бы сотрудники отдела археологии нашли в

себе мужество вообще отказаться от проведения полевых исследований до решения вопросов с хранением. А иначе — что делать с привезенными коллекциями? Но представить себе такой поворот событий невозможно, да и ничто не обязывает к нему сотрудников отдела. Скорее всего дело кончится тем, что происходит во многих музеях нашей страны: коллекции будут привозиться и складироваться до лучших времен. И здесь мы сталкиваемся с еще одной проблемой.

Дело в том, что справка, выданная археологу и удостоверяющая, что музей принял у него на хранение археологическую коллекцию, совсем не означает, что эта коллекция будет зарегистрирована и поставлена в данном музее на учет. К сожалению, никто и ничто в нашей стране не обязывает сотрудников музеев проводить такую работу, если, конечно, этот момент не оговаривается внутримuseumными документами. Нужно ли говорить, сколь губительным для коллекции оказывается такой «просчет» в законодательном обеспечении археологической деятельности. Ведь все археологи знают, что коллекции, в должное время и должным образом не поставленные на учет, обычно теряют значительную долю своего научного потенциала: утрачивается полевая документация, полевые шифры, сами предметы, исследователи забывают подробности и детали полевых работ или просто уходят из жизни, а вместе с ними и уходит интерес к их коллекциям (когда еще найдется специалист, готовый взять на себя такой труд!). Каждый из археологов может привести десятки примеров таких «несчастливых» коллекций.

Есть еще один момент, на который хотелось бы обратить внимание — как регистрируются и впоследствии хранятся археологические коллекции в российских музеях. Конечно, это зависит от конкретных обстоятельств, но очень часто мне приходилось сталкиваться с ситуацией, когда при регистрации коллекции и ее размещении по стеллажам, ящикам и полкам оказывался нарушенным естественный порядок извлечения материалов из слоя. В данном случае имеется в виду предварительная сортировка находок перед регистрацией по каким-либо признакам: венчики, к примеру, соединяются с венчиками, орнаментированные стенки — с орнаментированными стенками, гладкие — с гладкими, в отдельные группы выделяются наконечники стрел, отщепы или самые ценные в коллекции находки. Это очень удобно для музейного хранения, быстрее идет процесс регистрации находок, но удобно ли это для последующего научного изучения коллекций?

Мне неоднократно приходилось сталкиваться с подобным способом хранения находок. Для типологического анализа таких коллекций нет никаких препятствий, но если возникает необходи-

мость в проведении планиграфических или стратиграфических исследований, то сложности возникают порой непреодолимые. В этом случае буквально каждая отдельная находка (фрагмент керамики, отщеп, орудие труда) требует специального обращения к полевой описи, что при большом объеме коллекций затягивает процесс исследований на долгие месяцы. Если же опись оказывается недоступной или утраченной, то провести эту работу нет уже никакой возможности. Кроме того, при таком способе хранения коллекций исследователь лишается возможности видеть вместе все находки, найденные, например, в данном квадрате или около данного объекта, что также серьезно мешает работе.

Отмеченный способ организация хранения археологических коллекций является скорее всего порождением тех времен, когда в нашей науке безусловно лидировал типологический метод и все в археологии было подчинено ему. Но сейчас времена иные, и с точки зрения последующего научного изучения самым оптимальным способом хранения археологических коллекций является тот, который не нарушает порядок извлечения артефактов из раскопа, что, по-видимому, и должно быть закреплено в специальных инструкциях.

Главным объектом заботы охранной археологии в нашей стране являются прежде всего сами археологические памятники (поселения, могильники и т.п.). Что касается уже извлеченных из земли археологических материалов, то о них специалисты в области охраны археологического наследия вспоминают нечасто. Между тем хотелось бы обратить внимание: весь пафос охранной археологии направлен на то, чтобы остановить разрушение археологических памятников, предотвратив тем самым утрату научных и культурных ценностей. Отсутствие в законодательной базе ответов на вопросы, кто и как должен хранить археологические коллекции, извлеченные из земли, а также на то, кто, когда и как должен ставить их на музейный учет, также ведет к утрате археологического достояния, а потому должно стать предметом широкого обсуждения и законодательного урегулирования.